

Поэтические страницы

*Простых вещей
таинственная суть...*

Литературная и поэтическая мысль переживает сегодня далеко не самые лучшие свои времена. Но в этой сумеречной поэтической реальности есть удивительное пространство, где время дня скорее напоминает призрачную предрассветную пору, нежели закат. Это поэзия, в недрах которой происходят уникальные процессы, где рождается мировоззренчески новое ощущение мира. Здесь нет постмодернистских изысков, здесь не жонглируют понятиями и смыслами, здесь нет пессимистического настроя, который насквозь пронизывает современную поэзию и прозу, просвечивая сквозь все оттенки ее то безразличного, то пошловато-агрессивно, то откровенно циничного тона. Здесь все иначе...

Читая эти стихи, быть может, не отличающиеся отточенным слогом и безукоризненной рифмой, мы ощущаем энергии нового мира, нового взгляда на жизнь, который рождается в невыносимых муках и вполне реальных страданиях, преобразуя их в то, что составляет главную, сокровенную суть поэзии — ее высокое звучание, несущее из мира горнего в мир дольний ноту, на которую отзывается каждое человеческое сердце. Ту ноту, которая призвана нас, столь разных и непохожих, объединить в некую целостность одним-единственным чувством, одной-единственной мыслью, которую мы все так упорно ищем и которую до сих пор так и не смогли обрести... Скорее всего, мысль эта более проста, чем мы думаем.

Стихи наших авторов — еще один шаг на пути обретения поэтической истины, а возможно и не только ее. В них искрится «простых вещей таинственная суть», а чувствам присущи свежесть и искренность. В них ощущается сложившийся поэтический характер, то затаенный и сдержанный, то непримиримый и взволнованный. Здесь не слишком ценят уют, «коль в нем нет места для мечты», зато мирами здесь правит Красота. Несмотря на печальную или раздумчивую интонацию, стихи пронизаны радостью, полны той доброй силы, которой нам всем так не хватает. В них слились воедино глубокий философ и тонкий художник слова, лирическая исповедь и прозрачная чистая мысль. И если одно поэтическое пространство воскрешает в нас аромат пушкинской поры, то другое вводит в глубины неисповедимого, в желание объединить людей на подлинно справедливых и человеческих основаниях. В этих стихах — дыхание Космоса и красота Земли, восторг переполняющих чувств и философские раздумья о сострадании и внутреннем преображении человека.

Б. Р. Корженяни

«*Шернистый путь красоты*»

I

И вроде путь извилистей и круче,
Но ноша почему-то так легка,
Когда пленен гармонией созвучий
Иль магией волшебного стиха.

Нам Небо отвечает на молитвы
И исцеляет души и сердца,
Когда среди земной жестокой битвы
Коснется луч Прекрасного Венца.

Изящество стремительных движений,
Изгибы форм, ласкающие взор,
Алхимия мгновенных озарений
И слов простых загадочный узор,

Могущество невиданных соцветий
И чей-то лик, взирающий с холста,
Нам говорят одно: на этом свете
Есть Бог. И это — Красота.

II

Вторжение хаоса

Если есть потаенные страхи,
И трепещут сердца точно птахи
Среди белого дня,

То, хотите, и я вам признаюсь,
Что боюсь (и в ночи просыпаюсь) —
Вороного коня.

Он проносится под небосклоном,
И душа отзывается стоном,
И смолкают уста.

Развеивается черная грива,
Кто послал это темное диво,
Через какие врата?

Но друзьяжимают плечами:
Неужели не спится ночами?
Неужели больна?

В их жилищах творится веселье,
На столах снова яства и зелье,
Словом, чаша полна.

Ваши игры смешны и нелепы,
Неужели настолько вы слепы
В беспробудной гульбе?

Неужели глухи ваши уши,
Неужели мертвы ваши души
И покорны судьбе?

Неужели не слышите цокот,
Точно грома далекого рокот?
Верно, пробил тот час!

По бескрайнему полю конь скачет,
И в седле его всадник, и, значит,
Он теперь среди нас.

III

Покорные земному притяженью,
Мы устремились к новому рождению
И, душной повседневностью объаты,
Забыли все, что ведали когда-то...

Но иногда причудливые строки
Вдруг всколыхнут подземные потоки.
И сквозь асфальт прорежется трава,
Душа твоя воспрянет: «Я жива!»

Не чудо ли, когда соцветья слова
Разбить способны тесные оковы...

IV

Поэт позабыл, что добро, а что плохо,
Талант потрастил... немного, по крохам,
О да, он был честен с собою... когда-то,
А после продался — за славу, за злато.
Поет на потребу, толпа в его власти,
Богатый улов, вечно полные снасти.
Умен, образован, жонглирует словом.
Жаль, был трубадуром, а стал крысоловом.
И дети ему с восхищением верят,
В какие миры он откроет им двери?

Он делает это не ради награды,
Он должен служить, и Хозяева рады.
Вот так и живет, невзирая на «измы»,
Пока не растратит остатки харизмы.
Молчат Небеса, — а какое им дело,
Ведь Муза давно от него улетела,
Наверно обиделась (вот недотрога),
И лет впереди у него ой как много!
И вроде поэт, а никто не пристрелит,
Он так и умрет в стариковской постели.

* * *

Простых вещей таинственная суть
Стучится в сердце — и не продохнуть...
Я вспоминаю даже не людей,
А перламутр на шее голубей,

Стрижей, звенящих из-за облаков,
Полет неторопливый мотыльков,
Что у шмеля — мохнатого мальчика
На лапках — золотистая пыльца.

Я вспоминаю крохотных утят
И запахи сентябрьских опят.
Мозаичные очи стрекозы,
Пронзительные сполохи грозы,

Прожилки изумрудного листа,
Небрежное изящество кота,
Бродячих псов, молящих о тепле,
И мошку на автобусном стекле.

Простых вещей таинственная суть...
25 декабря 2002 г.

* * *

По тропинкам мироздания,
Зажигаясь там и тут,
Наши грешные желанья
Точно путники бредут.

Роднику бы стать рекою,
Звездам — видеть свои сны,
Любям хочется покоя,
Травам хочется весны.

Где-то плачет собачонка,
Ей бы сахарную кость.
Замуж хочется девчонке,
Парню — вылить свою злость.

Деду — к пенсии прибавки,
Малышу — велосипед.
Всем прогульщикам по справке,
А Борису — «kitekat».

Графоман желает славы,
Режиссер — снимать кино.
Депутатам до державы
Дела нет давным-давно.

Ждут работники полочки,
Пташки Божии — рассвет.
Только я дошла до ручки:
У меня желаний нет.

* * *

Бывает, что бессмертный светлый гений,
Кормушкой служит многим поколениям.
И сонмы докторов и кандидатов
Вещают нам, как он творил когда-то,
И, разбирая чей-то славный дар,
Гребут себе немалый гонорар.
Им ясно все — что вложено в пассаж,
Зачем художник создал сей пейзаж,
Зачем писатель отступил от темы,
Чей образ воплотил герой поэмы...
Все расчленил бездушный аналитик,
Скопец от духа, ой, простите... критик.

Знакомо ли тебе, когда Творец
Доверит на мгновенье свой Венец?
Уменье пробуждать касаньем дух?
Ты думаешь, читатель слеп и глух,
Без разъяснения не сделает ни шагу?
А посему давай марать бумагу!
Пока отыщешь путь среди цитат
К Источнику, то будешь сам не рад.
Творенья пресные наводят сон да скуку,
Почтим же ваш великий вклад в науку,
Альбом откроем или том стихов —
Не худший, согласитесь, из грехов...

Альдивс Н.Н. Рутин

*Томасу Лермонту
(Из цикла «Эльфийский Лес»)*

Испей из чаши эльфов, Странник,
Испей чарующий дурман —
И ты пойдешь дорогой странной,
Где все — мираж, но не обман.

Там нет ни зимних бурь холодных,
Ни солнечных июльских дней,
Там нету пашен хлебородных
И нет там пуганых зверей.

Там нету ни войны, ни мира.
Ни горя нет, ни торжества —
Но там таится мудрость Мира,
Сокрыта сила волшебства.

И, пригубив из нашей чаши,
Ты сможешь в этот мир войти,
И ты постигнешь тайны наши,
Ты сможешь мудрость обрести.

И к людям ты придешь пророком,
Провидцем вещим их судеб,
Иль песнопевцем одиноким
Вернешься, Странник, в мир людей,

Иль просто кузнецом умелым,
Иль деревенским пастухом —
Но ты себя прославишь делом —
Искусством или ремеслом.

И будешь жизнью ты доволен,
Округой всею будешь чтим:
Семья сыта, амбары полны —
И в том верх счастья иным.

Но ты, о Странник, ночью лунной
Глядишь в тоске на дальний путь,
Перебираешь арфы струны,
Мечтая прошлое вернуть.

Невелика цена уюту,
Коль в нем нет места для мечты.
И ты покинешь край обжитый,
И мир людей оставишь ты.

И два оленя белоснежных
Тебя вновь к эльфам приведут
В прекрасный плен объятий нежных,
Навеки — в царство милых губ.

Любовью будешь счастлив, Странник,
В краю, где правит красота.
А песни, что сложил ты ране,
Век будут люди повторять.

Декабрь 1994

*Колыбельная Королевы
(Из цикла «Эльфийский Лес»)*

Зимний ветер воет за окном.
Сном объят людской убогий дом,
Лишь ребенок плачет в темноте —
Страхом он измучился совсем.

Подойду неслышно я к нему,
Я малютку на руки возьму,
Ему тихо песню я спою
Про страну прекрасную мою.

Там ни дня, ни ночи темной нет,
Нет там слез, и горестей, и бед,
Нет там злобы, крови, нет обид,
Нет там ран, утрат и смертных битв.

А туман там бел, как молоко,
Там повсюду дышится легко,
На лугах трава растет по грудь,
Мягким мхом там устлан дальний путь.

Словно звезды, дивны там цветы,
Там сады волшебные густы,
Там колодцы с колдовской водой
Позабыть заставят твою боль.

Хочешь — выпей сильной той воды,
Победишь тогда врагов любых,
Хочешь — выпей музыки питья,
И прекрасна будет речь твоя.

Ну а хочешь — мудрости испей,
И тогда постигнешь речь зверей,
Расплетешь былых деяний нить,
О грядущем сможешь говорить.

И еще глаза свои умой
Тех лугов целебною росой —
И увидишь дивный наш народ,
Что в стране волшебной той живет.

Ты узришь, что золото лучей —
Это свет короны королей.
Ты поймешь, что музыка ручья —
Это песнь супруги короля.

Ты поймешь, что зимний ветра вой —
То король трубит в рог древний свой,
Что метель и вьюга над землей —
Это эльфы мчат за королем.

Летний сумрак лиственных лесов —
Это залы чудных их дворцов.
Старый вяз, веками сбережен, —
Это славный королевский трон.

Так узришь эльфийским зреньем ты
Облик мира, полный красоты.
Ты поймешь, сколь близок к эльфам путь, —
Надо лишь вокруг себя взглянуть.

Так спою тебе я, мальчик мой,
О стране эльфийской колдовской,
Чтобы часто в ясных детских снах
Тебе грезилась моя страна.

Чтоб потом ты смог в нее прийти,
Чтобы смог там радость обрести,
Чтоб открыл ты для других людей
Путь в страну Некошенных Полей.

Январь 1995

*Эанар**

Яростный Огонь, Тайный Пламень Мира,
Кто древней тебя? кто тебе создатель?
В безднах клокоча, из себя исторг ты
То, что называть стали Тьмой и Светом.
Ты творишь миры, сам собою движим,
Ты же рушишь их, чтоб творить их снова.
Жизнь твоя — борьба и преодоление:
Самое себя пожирает Пламень.
Тьма, и Свет, и Мрак — в вечной пляске жизни,
Нет покоя в ней, есть лишь становление.
Лишь в движении — жизнь, лишь в развитии —
счастье,
Благостный покой — это участь мертвых.
Пусть сурова жизнь, пусть полна страданий,
Но с огнем в душе, с твердой волей в сердце
Вынести их все сможет сильный духом,
Чтобы одержать истинно победу:
Пусть погибнет он, но деяний слава
Пламенем зажжет вновь сердца людские —
И сойдутся вновь Силы в схватке вечной,
Той борьбой творя новый Облик Мира.

Март 1999

* Эанар – Пламень Мира (эльфийский).

Анастасия Мусаева

* * *

В.А.Б.

Простите тех, кто был в пути не стоек
И не сдержал обещанного в срок,
Они прошли. И так наш мир устроен,
Что каждый совершает свой виток

Вокруг своей Звезды. И сердце знает,
Что искры ценные огонь свой покидают,
Когда сдаются люди, но они
По мере сил несут свои огни.

Простите тех, кто сильным был вначале,
Но посланным Советом пренебрег
И весь сгорел, оставив свет печальный
В сердцах всех тех, кто жизнь его берег.

Простите слабых: жалость их венец.
Слепых простите: не прозреют очи.
Благословите ищущих во тьме,
Хранящих пламя под покровом ночи.

Благословите тех, кто рядом был
И душу посвятил Вам без остатка,
Кто с Вами радости и боль делил
И верил всей душою, без оглядки.

Благословите всех, несущих Свет, —
Больших и малых, нежных и суровых.
И будьте счастливы. Среди других планет
Здесь, на Земле, встречаемся мы снова,

Чтоб поделиться радостью с другими.
Так будьте радостны, добры, сильны,
Простите всех и будьте прощены,
Любите мир и будете любимы.

* * *

Мы сбросим бремя и воскреснем в духе,
Как воскресали люди сквозь века.
Поднимемся с земли. Мирские слухи
Не сломят нас, была б тверда рука.

Была б тверда в даянии сердечном,
Была б сурова с леностью беспечной,
Была бы справедлива и чиста,
И пусть хранят молчание уста.

Мы вопреки стенаниям воскреснем —
Лишь для того, чтоб в мире не исчезли
Над пропастью висящие мосты:
По ним пройдем над бездной я и ты.

Пусть только ты и я, но мы пройдем:
Под снегом, градом, солнцем и дождем.
И прохожденьем сможем укрепить
Земных времен связующую нить —

Времен прошедших с будущим Огнем.
Над пропастью стремительно пройдем.
В начале не увидим мы Гонца:
Лишь верою своей дойдут сердца.

Лишь верой. А в конце моста
С благословеньем на устах
Нас встретит твердая рука —
Рука Того, кто ждал века.

* * *

Что я без Бога? Что без неба звезды?
Уходит форма рано или поздно.

Лишь суть вовеки царствует во всем!
Но кто-то видит солнце только днем,
А кто-то ночью со свечой в руке
Идет к нему и видит вдалеке.

* * *

Мудрые люди, серьезные люди,
Радости детства в душе не забудьте —
Детской открытости, нежного света,
Детской улыбки, под сердцем согретой.

Радугу чувств укрывая внутри,
Брызги восторга в себе иссушая,
Вспомните розы дыханья зари,
Жизнь в лабиринты не превращая!

Вспомните запахи сонных лугов
В час, когда солнце их будит несмело,
Помните легкость неловких шагов
Следом за птицей, что ввысь полетела.

Не закрывайте, не убивайте
Трепетность сердца — птенца молодого,
Искорки детской мечты собирайте
И отдавайте их сердцу любому.

* * *

Дано нам чудо из чудес
Рукою щедрой, бескорыстной
С доверием, с любовью чистой,
Как дар, ниспосланный с небес.

Дано нам чудо — ввысь стремиться
И воплощать свои мечты,
Лететь стремительно, как птицы,
На зов неведомой звезды.

Дано нам чудо — мудрость сердца,
Способного любить и греть,
От малой искры загореться
И ярким пламенем гореть.

Нам послана живая мысль,
Творящая миры в мгновенье,
Дано нам чудо — наша жизнь,
И в ней — минуты озаренья.

Елена Черноземова

* * *

Там над прудом развесистые ивы,
Под туею скамья из валунов,
К реке бежит поток воды игривый,
Блестя на солнце искрами валов.

Там по-над речкою стоит на самой круче
Другой, но тот же самый барский дом.
Над Соротью другие — те же тучи,
Другие — те же сосны над холмом.

Тут жил тому лет двести русский барин,
А может, странный баринов сынок,
Он от визитов всех вокруг избавил.
К одним ездил и множество дорог

К ним проложил — и тропок и тропинок,
Верхом и пешим хаживал, порой
Читая громко вслух и без запинок,
Смеша крестьян занятною гульбой.

Дриады с Лешим очень подружились,
Когда он им свои стихи читал.
И сберегли тот край. Как ни ломились,
Их дружный хоровод не пропускал

Ни торгаша, ни бойкого делягу,
Аж озверели духа бобыли! —
Ни одного, видать, они беднягу
Здесь домового заживо сожгли.

А может, и сбежал старик-проказник
В леса, к реке, к русалкам с водяным.
Устроили они друг другу праздник,
Потом подался к угольям родным.

Там по-над речкою стоит на самой круче
Другой, но тот же самый барский дом.
Над Соротью другие — те же тучи,
Другие-те же сосны над холмом.

* * *

*(Дорога от Святогорского монастыря к
озеру Белогули, посреди которого был, по
легенде, ушедший под землю монастырь,
ведет через селение Козляки)*

Созрела в Козляках малина,
И яблоки набрали сок,
И зреет золото в долине,
Дожди идут наискосок.

Шумят тенистые дубравы,
Не прячут крышечки грибов.
И пышут разноцветьем травы.
Туманы ходят меж холмов.

И набирает цвет рябина,
И ели в капельках дождя
Стоят. Чудесная картина.
И где-то в той картине я.

* * *

Здесь понимаешь: все — одновременно.
Там туча дождь прольет, тут — синий свод,
А вот искрится солнца луч нетленный,
Белейших облаков гряда плывет.

Там — темен лес, а здесь светлы верхушки,
А тут горят огнем — что твой костер.
Вот так здесь жил и Александр Пушкин,
Угрюм и резв, докучлив и остер, —

Все сразу жило в нем. Его проказы —
Веления минуты и ума,
И сердца глубины, души, — все сразу
Искрилось. И осталось на века.

* * *

И было тепло,
и стояли могучие ели,
И ветер меня обдувал,
и катила река
Прохладу свою,
и покачивались еле-еле,
В воде отражаясь,
седые века-облака.
И вечер светлел,
и хвоинки легли на дорогу,
Меня окружала
такая прозрачная тишь,
Что, кажется, будто
вот-вот, вот чуть-чуть, вот немного
И к красной от солнца
макушке сосны полетишь.

И мне улыбнулась Природа
лесной земляникой,
черникой, малиной...
И в эту чудесную тишь
Я вдруг поняла,
что — летишь над планетой великой,
Когда на земле
Преспокойно и твердо стоишь.

* * *

В парной воде я в Сороти стояла
И в вышине мистерию небес
С восторгом и вниманьем наблюдала.
Там надо мною облако вставало, —
Единство мира и времен являло —
Играл резцом заоблачный Фалес.

Вот старец, умирающий, с подушки
Глядит наверх на синий небосвод.
А вот курчавый Александр Пушкин
Сияет, словно песенку поет.
А вот его, отечески направив,
Ведет куда-то сам Отец Небес, —
К сиянью устремляя, в двери Рая.
И вот он в яркой синеве исчез.

А вот опять он смотрит на просторы
Родной своей Михайловской земли,
На пашни, перелески, реку, горы,
Тригорское, стоящее вдали.

И снова изменились очертанья,
Знакомые являя мне черты.
В них — лики Микеланджело. Дыханье
Полотен Рафаэля и — мечты
Поэта об Италии. Сияло
Все ярче солнце. Ветер уносил
Обломки-сор Фалеса-экстремала,
Ошметки пересудов, груды хлама,
Которых Пушкин-Солнце победил.

* * *

Мне виделось, как возводился Храм,
С Любовью, основательно, неспешно,
Но явных стен не наблюдалось там,
Прозрачен был и свод его нездешний,
Неясен был торжественный портал,
Таинственны могучие ступени.
Там русский отрок краски растирал
И, ступку приспособив на коленях,
Вершил деяния большой мечты,
Души, и Духа, и Любви уроки, —
И не было в движеньях суеты,
И старцы появились на пороге, —
Я видела, как этот дивный Храм
Спокойно возводился, вырастая
Без суесловия, без сцен и драм,
Во строгости и, мир преображая,
Стремился миру должному явить
Законы мира, бытия и света
И как плотиною прегородить
Дорогу пошлости. И, весь согретый
Теплом всечеловеческой мечты,
Весь был пронизан он огнем чудесным.
Вершился по законам красоты
Вселенной, Космоса.

Ольга Лавренова

Из цикла «Пейзажи»

* * *

Когда отражается месяц
В болотцах, от торфа ржавых,
Ночные звуки и ветер
Мянутся в звенящих травах.

Шуршащие тени от ветра
По лесу бегут торопливо,
А месяц под сенью веток
Плывет, обжигаясь крапивой...

* * *

Август —
С черного небосклона
В Черное море
Падает звездой.
Мерно и монотонно
С берегом спорит
Прибой.
Раковиной
Берег звучен и пуст.
Звездам навстречу,
В Вечность,
Тянется иглами
Можжевельный куст.
Август.

* * *

На берегу Ассоль ждала рассвет.
К ней ластились прохладой утра скалы,
И море прихотливо изменяло цвет,
Чтоб цельность горизонта не нарушил алый...

Взметнулись паруса, горя огнем,
На сколах кварца Солнце луч свой расплескало,
И заискрилась зыбь алмазных волн —
В рассветном пламени Ассоль судьбу встречала.

Новый царь

Над Россией звон,
Над Россией грай —
Свитой окружен,
Едет новый царь.

А в стране разор,
Пусты закрома.
Лютым псом на двор —
Голод и зима.

В кабаках гульба,
В подворотнях — блуд...
Рада голытьба —
В праздник, знать, нальют!

А по-над Москвой
Кружит воронье —
Царь-то хоть не злой,
Да возьмет свое.

Пей-гуляй, народ,
Как гулялось встарь!
Новый эшафот
Строит новый царь...

Из цикла «Город»

* * *

Ночь
Над городом.
От стены к стене
В свете фонарей
Мечется Любовь —
Ей холодно.
Ей хочется отдать,
Отдать и потерять,
Истаять.
Во тьме
Предугадать
Рассвет —
И все исправить.

Багдад, 2003

Боль
 капель свинца
 стекла
 и застыла.
 Сила неправых
 ныне —
 в эквиваленте тротила.
 В гробницы
 шумерских царей
 вонзилась
 воронка взрыва.
 И понеслась
 смерти круговерть.
 Жизнь —
 всего лишь
 мимо прошедшая смерть,
 и в небе узришь
 лишь
 бомбардировщика след.

На мировой арене
в мыле, в кровавой пене
пляшет Конь блед.

Из цикла «Любовь»

* * *

Мне не хватает нежности твоей,
И без тебя моя тоскует нежность.
А между нами — Космоса безбрежность,
Воронки времени, сияющий каскад лучей.

В надмирном вихре две пылинки взмыли,
Две искры от земных чумных костров...
Любовью зародить звезду иных миров
Достанет ли нам мудрости и силы?

А в жестком пламени планетных рубежей
Свивается жгутом

пространственность разлуки.

И между нами — звездных песен звуки...
Мне не хватает нежности твоей.

* * *

Ты другую избрал звездой,
а что делать мне в этом мире?
Гаснет Свет — безделицей пустой
он тебе не нужен, не виден...

В одиночестве путь прямой,
только вера в себя — опора.
Ты другую назвал звездой,
и, — оплавленный в тлен,
остывает в земле
крик души, что во мгле
сорвалась с небес метеором.

И теперь без надежд и молитв
сердцу век скитаться по свету...
Чья любовь меня в высь возвратит,
оторвав от тяжелой Планеты?